

являются наиболее продуктивными и перспективными для экономической культуры страны, тогда как краткосрочные не способствуют развитию социальной сферы и полностью направлены на удовлетворение индивидуальных экономических интересов, а не общественных.

Но трансформация стиля экономического мышления требует трансформации экономического менталитета и его аксиологических основ, то есть кардинального пересмотра основных принципов сформировавшейся в постсоветском геоэкономическом регионе философии бизнеса как таковой. Отсутствие национально ориентированных стратегий социально-экономического развития в постсоветских странах во многом является следствием той философии «бизнеса», которая сегодня является доминирующей. И основными её ценностями являются не развитие инфраструктуры городов и поселков, не продуктивное социально-экономическое воспитание и образование молодого поколения, а, к сожалению, окончательное истощение материальных ресурсов в целях обогащения олигархических структур.

Для страны в целом такой подход является крайне непродуктивным и недальновидным, поэтому любой финансовый кризис очень быстро отображается в таких странах на повседневной жизни среднестатистических граждан. Кроме того, такая «стратегия» способствует формированию исключительно отрицательной, негативной идентичности граждан. Поэтому в большинстве случаев на уровне индивидуального сознания национальная экономическая идентичность либо в принципе отсутствует и человек ищет применения своим способностям и талантам за пределами своей страны, либо идентичность формируется в качестве негативной мировоззренческой установки, что характерно для депрессивных регионов, где отсутствует гособеспечение трудоустройства, несмотря на их существенный хозяйственно-производительный потенциал. Возобновление же социально-экономической продуктивности требует трансформации внутренней структуры хозяйственных отношений. Это довольно трудоемкий процесс, но все же единственный путь формирования конструктивной социально-экономической идентичности наций в условиях глобализирующейся современности.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ: МЕЖДУ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ И РОССИЕЙ

Е.А. Данилова, г. Минск, Беларусь

Территориальное расположение, исторический контекст, связанные с постоянным противостоянием культур, ценностей, религий, и прежде всего, интерпретаций, во многом запрограммировали уникальную модель идентичности белорусов. В новом тысячелетии

такое «противостояние» проявляется в соседстве с двумя гигантскими по сравнению с Республикой Беларусь системами – ЕС и Россией. И если соседство с Россией является привычным обстоятельством, то с 2004 года благодаря вступлению Польши в ЕС, его границы подобрались непосредственно к нашим, впрочем, как и границы НАТО (с 1999 г.). Вопрос, таким образом, плавно переходит из сферы культуры, экономики, идеологии, в сферу безопасности и возможно сохранения суверенитета, которому по большому счету совсем не много лет, но достаточно, чтобы выросло новое поколение граждан независимой страны. И именно сейчас происходит «борьба» за это молодое поколение, от исхода которой зависит дальнейшее развитие государства.

В связи с этим, рассмотрим, каким видят молодые люди настоящего гражданина своей страны. Для этого обратимся к результатам социологического исследования, проводимого в рамках международного проекта «European Values Study» в 2008 г.[4-6]. По мнению молодежи (18-30 лет) Беларуси, настоящий гражданин должен уважать белорусские политические институты и законы (32,0 % – позиция «очень важно» по 5-членной шкале), а также прожить длительное время в стране (24,8 %) и уметь разговаривать на белорусском и русском языках (24,5 %), быть рожденным в стране (21,5 %) и иметь белорусское происхождение (18,4 %). Молодые россияне настоящего жителя своей страны видят знающим русский язык (56,5 %), рожденным в России (45,0 %), уважающим политические институты и законы (44,6 %), имеющим российское происхождение (42,4 %), и живущим длительное время в стране (42,3 %). Что касается настоящего гражданина Польши, то он должен уметь разговаривать на польском языке (52,4 %), иметь польское происхождение (42,2 %), быть рожденным в Польше (37,8 %), прожить длительное время в стране (33,9 %) и уважать польские политические институты и законы (28,7 %). Кроме того, исследователи добавили для Польши еще три индикатора: идентификация себя как поляка (57,9 %), наличие польского гражданства (47,9 %) и принадлежность к католической церкви (17,2 %). Таким образом, языковая составляющая является наиболее значимой для молодого поколения России и Польши, и соответственно тезис «одна нация – один язык» как основа основ национальной идентичности в Беларуси не работает. Согласно данным опросов разных с точки зрения «независимости» социологических служб и центров, подавляющее большинство жителей Беларуси использует один язык, понимая при этом, как правило, оба. И в том, что этот язык – русский, люди не видят проблемы. Но, вопросы возникают на политическом уровне.

После получения независимости в 1991 г. белорусский был признан единственным государственным языком, однако в 1995 г. народ

проголосовал за предоставление русскому языку официального статуса. Так ли это было непредсказуемо? Давайте взглянем на данные переписи населения 1989 г. В данном обследовании фигурирует достаточно неоднозначное с точки зрения языковой ситуации в Беларуси понятия «родной» и «второй» языки. Соответственно по результатам получилось, что 65,6 % населения Беларуси на тот момент назвали белорусский своим родным языком, еще 12 % – вторым, в общей сложности – 77,6 %. Эти цифры в некотором смысле свидетельствуют о необходимости активного процесса белорусизации и его массовой поддержки населением, но лишь только, если не принимать во внимание, что понятие «родной язык» в данном случае может отражать в большей степени только этническую идентификацию, а не реальную знание и использование данного языка[1]. Кроме того, согласно данным этой же переписи, русский язык родным назвали 31,9 %, а вторым – 50,8 %, в итоге – 82,7 %. Поэтому не удивительно, что на референдуме 1995 г. 83,3 % принявших участие в голосовании (всего приняло участие 64,8 % граждан страны) высказались «за» предание русскому языку равного статуса с белорусским (на тот момент единственному государственному).

Как же менялась языковая ситуация дальше? По результатам Переписи 1999 г. 70 % населения Беларуси назвали белорусский своим родным языком, а 37 % – основным языком общения, русский – 30 % и 63 % соответственно. В 2009 г. 53,2 % населения Беларуси назвали белорусский родным языком своей национальности, а 23,4 % – языком, на котором разговаривают дома, русский – 41,5 % и 70,2 % соответственно [3]. Далее по материалам той же Переписи населения Республики Беларусь 2009 г., на долю титульной нации – белорусов – приходится свыше 87 % населения страны в возрасте 16-30 лет, русские составляют 5,5 %, поляки – 2,2 %, украинцы – 0,8 %; из числа других национальных и этнических меньшинств наиболее многочисленны: евреи, армяне, татары, цыгане, азербайджанцы, литовцы, молдаване [2].

Еще одним важным моментом при рассмотрении национальной идентичности является религиозная составляющая. Исповедует какое-либо религиозное учение более половины представителей молодого поколения (в возрасте 18-30 лет) Польши (94,9 %), Беларуси (67,3 %) и России (55,4 %). Республику Беларусь, в которой большинство православных (86,6 %) среди верующей молодежи, окружают «православная» Россия (90,9 %) и «католическая» Польша (98,9 %). Следует отметить, что во всех рассматриваемых странах есть верующие и других конфессий. Так, к католикам себя относят 11,7 % молодежи Беларуси, 1,1 % России, к православным – менее 1 % Польши. К протестантам – менее 2 % юношей и девушек Беларуси, России, менее

1 % молодежи Польши, к мусульманам – 7,0 % России, менее 1 % молодежи Беларуси и Польши. Итак, доминирующей религией в рассматриваемых странах является христианство, к другим религиям свою принадлежность отметили лишь менее 1 % девушек и юношей всех государств (кроме мусульман в России).

Рассматривая территориальную идентичность, можно отметить, что молодежь Беларуси и России относит себя в первую очередь к жителям своей страны в целом (46,2 % и 43,7 % соответственно) и к населенному пункту, в котором проживают (34,0 % и 35,3 % соответственно), юноши и девушки Польши – к жителям населенного пункта, в котором проживают (68,0 %) и к своей стране в целом (16,5 %). Жителями мира в первую очередь себя считают 12,8 % молодых белорусов, 5,8 % россиян и 1,3 % поляков.

Таким образом, вопрос национальной идентичности все еще открыт, но один факт не вызывает сомнения – этот вопрос должен быть решен самими жителями страны, ведь именно мы должны, в конце концов, определиться с тем, кто мы есть. И сделать это на максимально доступном языке, чтобы с этим начали считаться как внутри страны, так и за ее пределами.

Литература:

1. Коряков, Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций / Ю.Б. Коряков. – Москва, 2002.
2. Перепись населения 2009. – Т.3: Национальный состав населения Республики Беларусь– Минск, 2011.
3. Шахотько, Л.П. Динамика численности и структуры населения Беларуси / Л.П. Шахотько // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси – Кишинев: Штиинца, 2010.
4. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Belarus. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4782 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10175.
5. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Poland. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4769 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10164.
6. EVS (2010): European Values Study 2008, 4th wave, Russia. GESIS Data Archive, Cologne, Germany, ZA4777 Data File Version 1.1.0 (2010-11-30) doi:10.4232/1.10170.

НАСУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ В МИРЕ «ПОСТ-КУЛЬТУРЫ»

В.Ю. Даренский, г. Луганск, Украина

Специфика философского мышления состоит в том, что оно зачем-то осуществляет *смысловую проблематизацию* «жизненного мира» человека,